старался или не мог сохранить какой-либо порядок в самом тексте, пропуская слова, вставляя потом пропущенное между строк, зачеркивая написанное».

«Присматриваясь ближе к составу и содержанию записей, мы тотчас же заметим, что более или менее цельных, законченных песен между ними наберется только половина, остальные же представляют отрывки, иногда только начальные строки песен. Это показывает, что Петр Квашнин, записывавший песни, скорее всего, записывал их по памяти, а не непосредственно с голоса, под пение; отдельные песни лучше сохранились у него в памяти, а потому в записи вышли полнее, от других же сохранились в его памяти только отрывки и даже отдельные стихи и строки, остального он восстановить не мог».

«Он под ряд записывал, между прочим, отдельные вспомнившиеся строки, причем им руководило, кажется, припоминание отдельных аналогичных образов в различных песнях: по крайней мере, фразы с похожими образами (сад, верба, сокол, река) стоят у него рядом в отрывочных записях. На тот же процесс записи по памяти, которая не всегда слушалась записывающего сразу, указывают, быть может, и поправки, и зачеркнутые, и вписанные слова, которые в значительном количестве попадаются в рукописи».

«Что касается содержания самых великорусских песен, записанных Квашниным, то по мотивам они не разнообразны: в общем, это — типическая любовная лирическая песня».

Только сила традиционного взгляда на песенную форму как на продукт устного творчества привела исследователя к освещению рукописи Квашнина, как записи распеваемых песен. Между тем, перед нами все характерные черты авторской черновой рукописи. Квашнин зачеркивает написанное, вставляет новые слова, начинает сочинять песню и бросает, принимается за новую, обрабатывает в иной редакции написанную уже песню, как ясно из сопоставления песен на столбцах 433 и 437, на которых автор сделал два наброска одной и той же песни, причем вторая редакция дает распространение образа и лучшее оформление мотива первой редакции.[1]

[1] Первая редакция:

Кабы знала немилость к себе друга милова,
Не тужила б я по милом друге,
Не надрывала б своего ретива серца...

Вторая редакция:

Кабы знала млада, ведала
Нелюбов друга милова,
Неприятства друга сердешного,
Ой, не обыкала бы, не тужила б,
По милом друге не плакала,
Не давала тоски своему ретивому сердцу.